

Понятие «сострадание»

сегодня, пожалуй,
затаскано.

Но в этих картинах
обретает подлинный смысл.

С огромной,
почти невыносимой
долей натурализма
Геннадий Добров
напоминает о ранах
войны.

ДРУГАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ

ми, разговаривал об основах их веры, тем больше убеждался, что и в Евангелии, и в Коране есть много сходных заповедей типа «Не убий», «Возлюби ближнего своего». Во всяком случае, когда я присутствовал при переходе группы муджахедов на сторону правительства, их старейшины читали суры примерно такого содержания.

— Не из-за этого ли перехода возникла холящая по Москве легенда о том, что вы несколько месяцев провели среди муджахедов

— На самом деле было все проще. К концу моей работы в Кабуле стало известно, что на севере страны примерно 20000 вооруженных муджахедов готовятся перейти на сторону правительства. Министерство иностранных дел Афганистана решило пышно обставить этот переход, пригласило журналистов из США, Англии, Голландии, Индии, Франции и Советского Союза. Мы вылетели в провинцию Багдис, где увидели настоящих муджахедов —

запыленных, вооруженных ручными гранатами, с радиопередатчиками, привязанными на крупах лошадей. Почти все их лица закрывала чалма — выделялись только, невероятно злые

рекса от такого пути зарабатывания денег.

Запратив подальше свой диплом, четыре года отработав постовым милиционером Зато узнал жизнь милиции и перестал боятся людей в синих фуражках Потом еще несколько лет был санитаром — на психиатрической перевозке, в Складфосовского, Боткинской, Басманной больницах. При этом всегда думал: пусть буду возить трупы, но зато останусь чистым в своем искусстве Ведь говорил Иисус «Гоните торгующих из храма», а я торговать собой не хотел. И, в общем, работой санитаря остался доволен: узнавал жизнь, что немаловажно для художника-стипсеовиста и — за счет суточных дежурств — располагал временем для рисунка

В начале семидесятых почувствовал: хватит накапливать впечатления. Тогда же познакомился со своей нынешней женой, и она настояла, чтобы я ушел из больницы и начал писать. В том же 1974-м я уехал на полтора месяца на Валаам, где была целая колония инвалидов, потом отправился на Сахалин, в Армению.

— Прямо скажем, семидесятые годы — не самое удачное время возвращения в искусство. Пора, когда качество официально-парадных в Манеже заставляло жалеть, что

такое огромное помещение не используется по прежнему назначению...

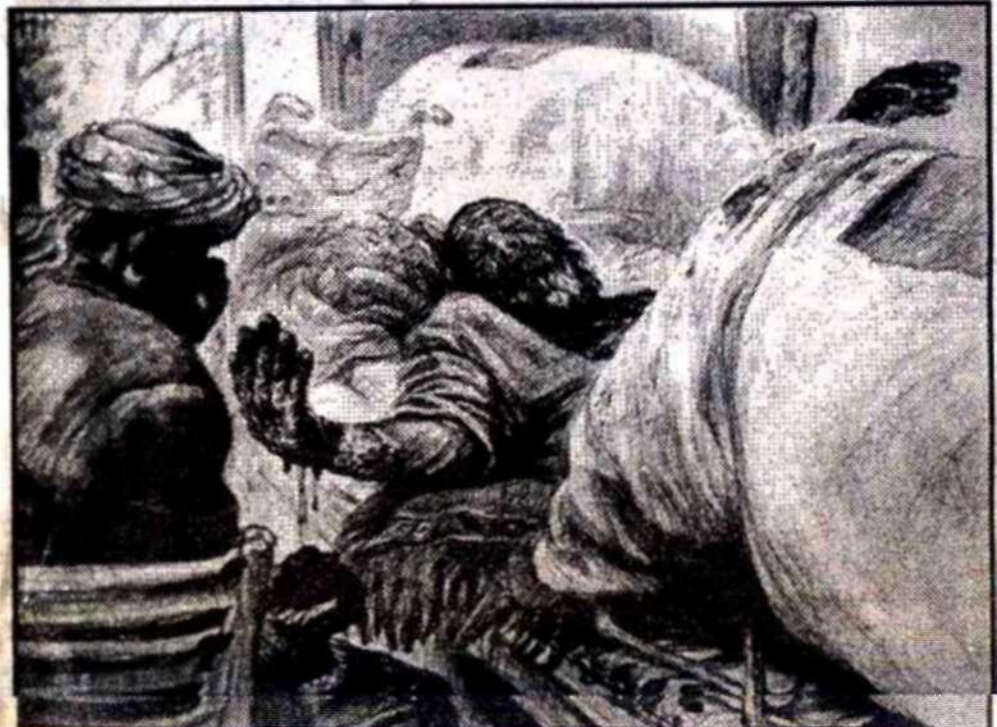
— Да, мне пришлось ждать 1987-го, когда на брифинге в пресс-центре МИД СССР состоялось представление моих рисунков. Через год издательство АПН выпустило альбом «Автографы войны».

Не могу сказать, что до этого мои картины совсем не принимали. Они проходили художества, их включали в каталоги всесоюзных и республиканских выставок, но... выставляли в самом дальнем углу, мотивируя тем же: «Народ этого не поймет».

— Если честно, ваши картины воспринимались не сразу. Сначала от них хочется просто отвернуться, потом — вглядеться еще в еще. Интересно, как должен чувствовать себя автор этих работ. Веда в любом случае они — обратное от красоты?

— Есть очень расхожее выражение Достоевского, которое сейчас повторяют по любому поводу. «Красота спасет мир». Мне кажется, Федор Михайлович противоречит этой фразе всем своим творчеством.

Я не верю, что красота спасет мир. Она может явиться даже провокацией и этот мир

глаза. Про таких уже не скажешь «доверчивы, как дети».

Переход выглядел несколько театрально. Когда закончилось чтение старейшими сур, началось празднество. И тут я оказался оттертым от своих товарищей, в самом центре только вооружены, но чувства страха я почти не испытывал. Продолжал рисовать, твердя про себя, что верю в доброе начало афганцев. В то самое начало, которое заставляло их в 1979-м встречать первые колонны наших войск цветами. Кстати, когда я уезжал из Афганистана, мне тоже подарили цветы и я их довез до Москвы.

— Прошло довольно много времени с афганской поездки, во я вижу, что рисунки так и лежат невостребованными...

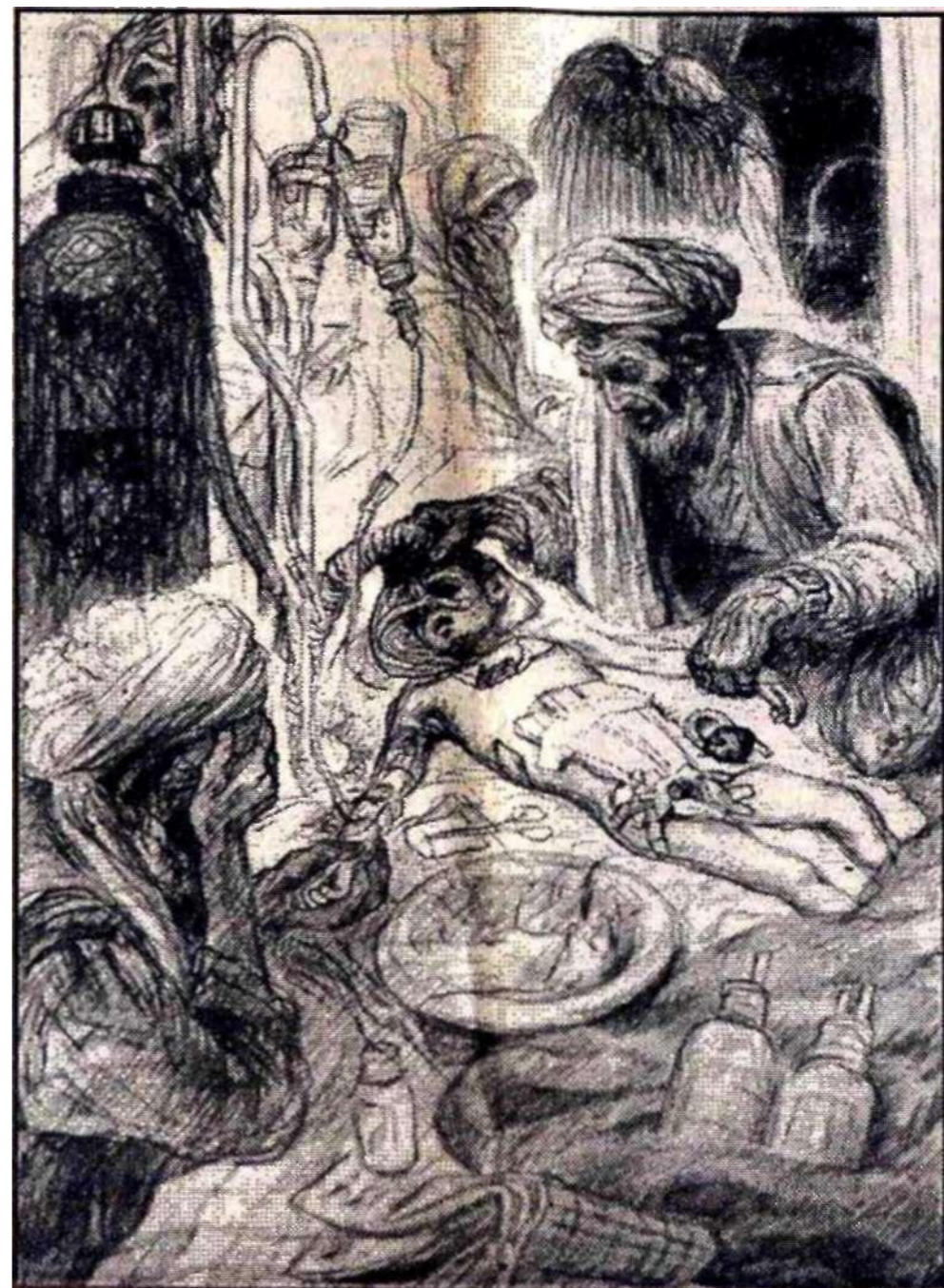
— Официально командировка была от журнала «Век XX и мир». Конечно, сразу после возвращения я пошел туда и показал свои работы. Торопился, тем более что нынешний посол в Афганистане Борис Николаевич Пастухов почеркнул, что эти наброски могут сделать гораздо больше в плане добрососедских отношений, чем официальная пропаганда.

Но один из руководителей журнала, ныне народный депутат, заметил: «Что ты, разве можно публиковать сегодня такое! Пока это слишком кровотоичит, мы перед ними виноваты. Да и военные, перед которыми я часто выступаю, меня не поймут. Давай, подождем несколько лет...».

— Хотелось, чтобы эти несколько лет не превратились в те тринадцать, за которые прорывались к зрителю графические листы «Автографы войны» с портретами инвалидов Великой Отечественной.

— Я начал работать над этой тематикой еще в годы учебы в Московском художественном институте имени В.Сурикова. Часто показывал наброски своему учителю, академику Е.Кибрику. А он, в общем-то одобряя работу, спрашивал: «Твоих героев — инвалидов, ничего, ну кому мы их покажем сейчас?».

Все же к окончанию института я понял, что без этой «никому не нужной темы» уже не смогу. Делать что-то поденное мне не хотелось: видел на примере своей матери, тоже художницы, к чему приводит такая работа. Она, выпускница училища имени Врубеля, тиражировала репродукции картин Шишкина и Айвазовского, портреты членов Политбюро. Сейчас это делает полиграфия, а тогда — художники. Но творчеством там и не пахло. И я с детства за-

разрушить. Вспомните Елену Прекрасную, ставшую яблоком раздора в Троянской войне... На мой взгляд, единственное качество, способное спасти мир, — доброта

Вот такую доброту, свет обаяния я вижу во всех своих героях. Они — покаленные войны, но не духовные инвалиды. И знаете, своей добротой они не только заражают мои картины, но и помогают себе. Когда вышел альбом «Автографы войны», я расстался его немногим, оставшимся к тому времени в живых героям картин. И получил от них благодарственные письма где они отмечали, что поднялся их жизненный тонус

— Геннадий, вы часто цитируете Евангелие. Скажите, вы верующий человек?

— Я не хожу в церковь. Но верую в нравственность и доброту. И в этом смысле мне близки слова Льва Николаевича Толстого: «Как только человек теряет нравственный смысл, он делается особенно чувствителен к эстетическому».

— Вы не считаете, что ваши картины близки к проповеди?

— Может быть и, если это так, то мечтаю, чтобы эта проповедь была бесплатной. Сегодня, когда меня начинают признавать, я против коммерческих цен билетов на мои выставки. Человек не должен продавать последнюю рубашку ради искусства

— Думаете ли вы продолжить летопись страданий Афганистана?

— К сожалению, тем у меня пока хватает. Подумайте, сколько было после Великой Отечественной «малых войн», в которых участвовали наши ребята: Корея, Алжир, Египет, Йемен, Вьетнам, Сирия, Эфиопия, Мозамбик, Афганистан... Сколько живу — вижу войны, непрекращающуюся гибель людей. К этому, наверно, никогда не привыкнуть.

...Слушая Доброва, я поймала себя на мысли: в последнее время все чаще раздаются призывы к введению советского экспедиционного корпуса в район Персидского залива. Неужели у художника будет снова много работы?

ВДЕЛИМАРСКАЯ

Еженедельник «Надежда» решил помочь афганскому циклу быстрее дойти к зрителю.